

Воспоминания о Николае Чернышеве

Чернышев всем запомнился как человек необыкновенной искренности и скромности. Д.Жилинский вспоминал, что однажды он уже после смерти Фаворского передал отзыв того о Чернышеве *«Чудесный художник, сам в это не верит, все стесняется, жалко»*. Услышав слова Фаворского, Чернышев воскликнул с досадой, огорченно: *«Что же он мне так раньше не сказал, может быть, я и художником бы лучше стал»*.

Илларион Голицын

Мне кажется, образы тонконогих девчонок — главная любовь Николая Михайловича, которую он пронес через всю свою жизнь. Он жадно ловил их мимолетные движениями, которые, казалось бы, не поддаются фиксации (как, например, девчонка надевает перчатку на ходу). В его маленьких рисунках и акварелях ощущаются острый глаз и острая память, которые дали возможность запечатлеть эту трогательную красоту.

Хочется из массы произведений, созданных мастером, выделить все «девчоночьи» вещи. Какая получается песня красоте мира, одновременно тревожная в ее незащитности и радостная!

Художник увлеченно рисовал сначала девочек студии Айседоры Дункан (он называл их «дунканши»), потом Тоню — свою будущую жену Антонину Александровну, потом трех дочерей. Жизнь счастливо одарила верного ей художника.

На его работах девочки, как птицы, взлетают на качелях, купаются с лодки на озере Мячино, выжимают намокшие платья, весело плещутся под душем, собирают камушки на берегу, заплетают косы, пугаются кого-то, ласково держат козленка, раненую птицу. Их фигуры сцеплены в остром силуэте, в свободных, вольных движениях; эти милые подружки в жизни и на холсте как бы все время чувствуют друг друга. Они входят в пейзаж, растворяясь в этом большом едином мире и сливаясь с теплым вечером там, где слушают соловья.

У Николая Михайловича есть ранняя акварель «Воспоминание о Новгороде» с изображением зеленых пространств, белых древних храмов у сизой воды и девичьей фигурки. Словно ловя момент затишья в мире, художник хочет осмыслить и утвердить эту зыбкую красоту. Тема единства красоты молодости и красоты древней русской земли звучит в его произведениях ярко и сильно. Но вскоре над новгородскими храмами, над тонконогими девчонками, над Волховом пронесется огонь войны, выжигая траву, уничтожая фрески, людей, птиц... И все творчество Чернышева — один протестующий крик: «Нет войне!».

С волнением смотришь на его фрески и мозаики. Прорись фрески, проведенная рукой художника, всколыхнула воспоминания о росписях в Ферапонтовом монастыре. Там я видел такой же рисунок, словно только что нанесенный на шероховатую поверхность стены рукой Дионисия. Монастырский сторож показал мне книгу Николая Михайловича Чернышева о древних фресках с дарственной надписью. Думаю, делая этот подарок художник надеялся: если узнают и поймут, что хранят, лучше будут беречь красоту.

Мне дорого в искусстве Николая Михайловича полное отсутствие «художественного шика». Его долголетний постоянный труд не был рассчитан на быстрый успех. В поисках истины он не думал об успехе. Внимательно и неторопливо работал, учился сам и учил других; весь процесс этот — жизнь в искусстве — доставлял ему радость.

Он стал подлинным мастером акварели, которую называл «фреска в миниатюре». Фаворский рассказывал, как в годы войны Чернышев, приехав в Самарканд, всех поразил и обрадовал акварелями — не просто этюдами с натуры; в них был запечатлен мир, где жили люди и всегда происходило что-то значительное и важное. Я глубоко убежден, что Чернышев — истинный монументалист, близкий по творческому дарованию древним мастерам Пскова, Новгорода, Белозерского края.

Мне всегда казалось, что Николай Михайлович не может разгневаться, вспылить, но иногда он очень остро говорил, отстаивая право художника быть смелым, дерзать. Он был широких взглядов на искусство и обладал талантом помогать другим. Я тоже ощутил эту поддержку. Как-то принес ему гравюру «Утром у Фаворского» (он попросил подарить), а потом получил в подарок от Николая Михайловича книгу «Иконы Сербии и Македонии». «За изображение незабвенного Владимира Андреевича Фаворского с внуком», — гласила дарственная надпись. Я эту книгу бережно храню.

Насыщенная творческая жизнь Николая Михайловича Чернышева отдана людям. Его скромность, внешняя незаметность обернулись яркой духовной силой. И сейчас своим искусством мастер продолжает звать к честной работе, учит совершенствоваться, любить людей, беречь русскую культуру. Он так говорил: «Помните всегда, как бы ни было трудно, о своем нравственном долге. Во всех делах будьте мужественны, тверды, будьте искренними и добрыми, а главное — веселыми, и я всегда буду с вами». Это всем нам напутствие.

Тарас Гапоненко

Начиная с юных лет и до конца дней Николай Михайлович Чернышев как художник и исследователь изучал творения великих мастеров Древней Руси. Став преподавателем, он старался и студентам передавать эти знания.

1920-е годы. Храмы закрываются, иконы и всю церковную утварь реквизирует государство. Кому нужны изображения святых, когда бушует «мировой пожар революции» и летят все «буржуазные» ценности? Нужны. В это страшное время Чернышев преподавал во Вхутемасе технику и технологию материалов монументальной живописи и говорил студентам о ценности древних фресок. Фаворский рассказывал о значении черного и белого пространств, а Чернышев объяснял, что самое великое — это древнерусская живопись. Голодные безграмотные студенты — дети рабочих и крестьян — ничего не понимали вначале. И вот эти великие педагоги Фаворский, Чернышев, Истомин внушили любовь к великому национальному достоянию.

Невзирая на гонения на Церковь, чистку и проверку профессорско-преподавательского состава, Фаворский на вопрос, верит ли он в Бога, отвечал: «Да, я верую». Чернышев, рискуя попасть в число пропагандистов религии, прививал студентам понимание иконописи, фрески. Рассказывая об иконах, связывал их сюжет с историей и литературой, бытом русского народа (это было как иллюстрация и становилось доходчивее, понятнее).

Отделение монументальной живописи занимало левое крыло здания, выходявшее на Рождественку. У монументалистов царствовал Чернышев. Он ежедневно приходил в мастерскую и нес всю ответственность за отделение. В учебном процессе у нас студенты играли, как ни странно, активную роль. Предметная комиссия состояла из всех преподавателей, профессоров отделения и представителя студентов. Ее председателем был Чернышев.

Когда Николай Михайлович пришел в мастерские, были голые стены. Он попросил дворника принести песок, замесили известь и нанесли ее на стены. Студенты стали писать фрески. Он давал задания: составить штукатурку под фреску (мы должны были снять ямчугу, а потом размешивали эту известь, чтобы она была выдержанной), сочинить орнамент. Брали определенное количество извести, песка, пакли, резали ее, все это перемешивали, набрасывали на стену, затем — второй слой, а потом переводили рисунок с кальки путем продавливания или пунктиром и углем. Брали натуральные краски, размешивали, разводили в воде и писали по сырой штукатурке. Сдают студенты зачет — стена записана; потом ее скалывают и делают секко. Под руководством Николая Михайловича мы расписали школу на Зубовской площади: по эскизу сделали шаблон, а потом работали темперой.

Николай Михайлович был очень внимателен к студентам. Когда наступали каникулы, мы разъезжались кто куда. Он всегда интересовался, где были, много ли работ привезли. Возил нас в Псков, Владимир, Новгород, Киев, Ферапонтово. Показывая фрески, всегда рассказывал о композиции всей стены, ритме пятен, общем колорите, строе стен или всего храма. Это развивало наш вкус, делало нас художниками. В то время мы, студенты, еще не могли оценить всю важность тех поездок. Осознание пришло значительно позже. Пожалуй, только теперь.

Чернышев часто разрешал опаздывать на занятия, если мы оставались в древних русских городах и копировали фрески. В 1925 году он нашел со студентами замечательные цветные камешки на берегу Бородавского озера у стен Ферапонтова монастыря и доказал, что такими пигментами Дионисий расписывал храм. В лаборатории мастерской экспонировались образцы этих красок, для ознакомления с которыми приезжали иногородние специалисты.

Часто Николай Михайлович рассказывал студентам о Д.И. Кипликке, об энкаустике. Зная немецкий язык, я начал переводить книгу О. Шмидта «Техника античной фрески и энкаустики». Узнав об этом, Чернышев хвалил меня, потом попросил А.Н. Тихомирова завершить перевод и сам написал предисловие.

В 1927 году монументальную мастерскую посетил Диего Ривера, он оставил такую запись: «Я весьма удовлетворен тем, что вижу усилия моих товарищей — художников СССР, вижу монументальную живопись — живопись революции, и я хочу видеть расписанными стены рабочих клубов, библиотек, заводов; видеть пролетариат учителем жизни своего народа». Приезжал Анри Барбюс — сухощавый, порывистый человек. Долго

беседовал с Николаем Михайловичем о том, каких специалистов готовит отделение и где они будут востребованы у себя в стране.

Чернышев был душой и ангелом-хранителем, добрым гением монументального отделения. Студенты держались с ним как со старшим товарищем. Он занимался с каждым отдельно, носился с нами, как клуша с цыплятами, опекал, словно маленьких детей. Воспитывал нас тактично, ненавязчиво, был удивительно скромн и внимателен. К Николаю Михайловичу относились с уважением, большой любовью и теплотой, он притягивал к себе как магнит, ронял зерна культуры в наши души. Из стен мастерской профессора Чернышева вышли Бубнов, Малаев, Одинцов, Лукомский, Невежин, Асламазян, Эльконин, Эдельштейн, Чеснокова, Марков, Степанов, Хлюпин, Мальцев, Мочальский, Цирельсон, Густав Циля и многие, многие другие.